

УДК 81'27

ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код БAK 10.02.19

С. А. Приходько
Новозыбков, Россия

S. A. Prikhodko
Novozybkov, Russia

**ОППОЗИЦИИ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В. И. ЛЕНИНА
(на базе труда
«Материализм и эмпириокритицизм»)**

**OPPOSITIONS
IN V. I. LENIN'S POLITICAL DISCOURSE
("Materialism and empirio-criticism"
is taken as an example)**

Аннотация. Рассматриваются семантические оппозиции в политическом дискурсе В. И. Ленина. На примере монографии «Материализм и эмпириокритицизм» анализируются способы реализации оппозиций. Статья может быть полезна для аспирантов, лингвистов, политиков и студентов.

Abstract. The article is devoted to the semantic oppositions in V. I. Lenin's political discourse. Monograph "Materialism and Empirio-Criticism" is taken as an example to analyze methods of realization of the oppositions. The article may be useful for linguists, politicians, post-graduates and students.

Ключевые слова: оппозиции; политический дискурс; «свой — чужой»; маркер; способы реализации.

Key words: oppositions; political discourse; "friend — foe" opposition; marker; methods of realization.

Сведения об авторе: Приходько Сергей Александрович, соискатель Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского, преподаватель английского языка.

About the author: Prikhodko Sergey Alexandrovich, Teacher of English, Post-graduate Student of the Kaluga State University n.a. K. E. Tsiolkovsky.

Место работы: Средняя общеобразовательная школа № 3 г. Новозыбкова.

Place of employment: Novozybkov, School №. 3.

Контактная информация: 243020, Брянская обл., г. Новозыбков, ул. Воровского, 16.
e-mail: sapclfl@yandex.ru.

Различные аспекты функционирования оппозиций «свой — другой» и «свой — чужой» проявляются в журналистике, научных изданиях, кинематографе, художественной литературе и других сферах культуры. В центре внимания данной статьи находится функционирование этих оппозиций в политическом дискурсе.

Оппозиция — одно из основных понятий структурно-функциональной лингвистики, в которой язык трактуется как система взаимно противопоставленных элементов. Оппозиция чаще всего определяется как лингвистически существенное (выполняющее семиологическую функцию) различие между единицами плана выражения, которому соответствует различие между единицами плана содержания, и наоборот [Оппозиция].

Оппозиция «свой — чужой» рассматривается в значительном количестве публикаций [Баженова, Мальцева 2009; Будаев, Чудинов 2008; Гришаева, Цурикова 2007; Канчани 2007; Михалева 2009; Пеньковский 1995; Чернявская 2006; Шейгал 2000; Шенько 1976; Шмитт 1992; Chomsky 1988 и др.]. Ученые свидетельствуют, что она проявляется в различных видах дискурса: в политическом дискурсе [Иссерс 2008; Михалева 2009; Шейгал 2000; Шмитт 1992; Chomsky 1988], разговорном дискурсе [Шенько 1976] и т. д.

Э. В. Будаев и А. П. Чудинов подчеркивают взаимосвязь оценки и стратегии. Они полагают, что референциальная стратегия используется в дискурсе для представления социальных действующих лиц в определенном контексте. Данная стратегия включает конструирование и поляризацию групп «свои — чужие». Стратегия оценивания проявляется в позитивном отображении группы «своих» и негативном — «чужих» [Будаев, Чудинов 2008: 238]. Реализации каждого из оценочных значений в политической коммуникации способствуют концепты «свой — чужой».

Под концептом обычно понимается некая мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания о мире. Человек мыслит концептами, комбинируя их, осуществляя в рамках концептов и их сочетаний глубинные предикации, а также формируя новые концепты в ходе мышления. Одной из важнейших дискурсивных характеристик концепта является транслируемость, т. е. способность переходить в процессе общения от одного индивидуума к другому [Баженова, Мальцева 2009: 28].

Совокупность концептов «свой — чужой» можно определить как оппозицию архетипических смыслов, которые, возникнув на заре сознательной деятельности человека, не утратили своей актуальности до настоящего времени.

Противопоставление «свой — чужой» в различных видах пронизывает всю культуру и является одним из базовых компонентов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения, в том числе русского [Баженова, Мальцева 2009: 29—30].

Исследователи обращают внимание на то, что осознание особенности, отдельности актуализирует универсальную семантическую оппозицию «свой — чужой», которая может интерпретироваться в конфессиональном, социальном и территориальном планах [Мерекина 2008: 171]. По вопросу включения оппозиции «свой — чужой» в средства реализации конкретной стратегии взгляды лингвистов не совпадают. Если Э. В. Будаев и А. П. Чудинов связывают пару «свой — чужой» со стратегией оценивания [Будаев, Чудинов 2008: 238], то О. С. Иссерс предлагает изучать ее через призму стратегии дискредитации [Иссерс 2008: 160].

Разница в подходах к данной оппозиции проявляется также при определении ее значения в культурном поле. В соответствии с одной трактовкой, группировки «своих» и «чужих» формируются

во внутрикультурном пространстве [Чернявская 2006], но есть ученые, которые считают их атрибутами межкультурного обмена [Карасик 2002].

В. Е. Чернявская приходит к выводу, что дискурс образует «рамочное пространство вокруг „своего“ — неких однородных идей, теорий, смыслов, овеществленных в текстах, когнитивных стратегий автора, взаимодействующего со своим же адресатом. При этом „рамка дискурса“ отсекает все то, что не попадает в ее пространство» [Чернявская 2006: 80].

Как отмечается В. А. Масловой, противопоставленные «свой» и «чужой» позволяют адресанту формировать в сознании адресата дискурсивные миры («свой мир» и «чужой мир») [Маслова 2008: 233—234], а это создает базу для воздействия субъекта политики на целевую аудиторию.

Рассматриваемая оппозиция получила широкое распространение в политическом дискурсе. В данной статье под политическим дискурсом «понимается любая передача сообщений, предназначенная оказать влияние на распределение и использование власти в обществе» [Schudson 1997: 311]. Политический дискурс объединяет тексты, отображающие идеологическую и политическую практики какого-либо государства, отдельных партий и течений в определенную эпоху. В этих текстах актуализируется общественное сознание [Лосева 2007: 104].

Политическую письменную речь можно отнести к политическому дискурсу. При анализе текста «Материализма и эмпириокритицизма» В. И. Ленин предстает перед исследователем как писатель. Естественно, в процессе научных изысканий следует придерживаться золотой середины: «Интерес к личности писателя — законное право читателя, и там, где он не переходит определенных границ, не становится слепней, в нем нет ничего дурного» [Рейсер 1978: 20].

Как отмечают специалисты, «суть политической борьбы состоит в борьбе за присвоение языковых символов, за право определять (и тем самым контролировать) их содержание. Конечной целью политика является не столько уточнение понятийного содержания ключевых терминов, сколько провоцирование желаемой реакции адресата» [Green 1987: 2]. В качестве основного организующего принципа семиотического пространства политического дискурса выступает функциональная триада «интеграция — ориентация — агональность». Эта триада проецируется на оппозицию «свой — чужой», являющуюся фундаментальным ценностным противопоставлением для политического дискурса и составляющую суть идеологической оценки. В знаках интеграции содержание идеологической коннотации составляет компонент «свой», в знаках агрессии — компонент «чужой», а знаки ориентации могут быть и амбивалентными, и оценочно нейтральными. Потенциально любой знак ориентации может трансформироваться в оценочно маркированный знак (интеграции либо агрессии) [Шейгал 2000: 225].

В 2003 г. увидела свет работа А. П. Чудинова «Политическая лингвистика» — первый пример обобщения опыта отечественных исследователей политической коммуникации. По мнению А. П. Чу-

динова, для современной политической лингвистики в полной мере характерны главные черты современного языкознания:

«1) антропоцентризм (языковая личность становится точкой отсчета при изучении языковых явлений);

2) функционализм (изучение языка в действии, в функционировании);

3) экспансионизм (включение в сферу исследования лингвистики комплекса смежных проблем, ее расширение);

4) экспланаторность (стремление не только описать языковые факты, но и объяснить их)» [Чудинов 2003: 4].

В указанной монографии анализ политического дискурса проведен на базе следующих антиномий:

- 1) авторство и анонимность;
- 2) агрессивность и толерантность;
- 3) институциональность и личностный характер;
- 4) интертекстуальность и автономность;
- 5) редукционизм и многоаспектность информации;

- 6) ритуальность и информативность;
- 7) эзотеричность и общедоступность [Чудинов 2003: 42—56].

Особый интерес представляет критерий агрессивности, отчетливо выраженный в политическом дискурсе В. И. Ленина. По этому параметру дискурс интересующего нас политика не соответствует принципам коммуникации, к которым Р. Т. Лакофф причисляет общие исходные принципы блага и рациональности: в сферу вербальной деятельности вовлечены разумные люди, не стремящиеся нанести друг другу вред [Lakoff 1983: 308]. Принципы общения носят разнородный характер, они включают как этические нормы, так и модели языкового поведения: «старайся говорить идиоматично» [Searle 1975: 76]. Политические субъекты в условиях борьбы за власть просто обязаны наносить своим оппонентам вред, ущерб. Политик, который понес самый большой урон в битвах со своими конкурентами, чаще всего терпит поражение на выборах.

Поскольку власть как психологический феномен включает иррациональный и эмоциональный уровни [Водак 1997: 79], политический дискурс никогда не бывает нейтральным или объективным, ему свойственны оценочная акцентированность, аффективность, а также пристрастность.

К специализированным знакам вышеупомянутой агрессии в политическом дискурсе относятся в первую очередь маркеры «чуждости», а именно:

1. Дейктические и полноточные знаки, содержащие компонент дистанцирования: «забугорные», «заграничные», «заморские», «и иже с ними», «они», «там», «эти» и пр.

При употреблении этих знаков происходит мысленное очерчивание круга, отделяющего своих от чужих, подчеркивается, что «чужаки» находятся по ту сторону границы круга.

2. Показатели умаления значимости — идентификаторы нижнего уровня тимиологической оценки: «всякие», «какой-нибудь там», «разные» и т. п. Под тимиологической оценкой подразумевается оценочное ранжирование по следующим параметрам: «важное», «значительное», «серьезное», «существенное», противопоставленным

другим параметрам: «неважное», «несущественное», «несерьезное», «то, на что не следует обращать внимание», «то, чем можно пренебречь» [Пеньковский 1995: 36].

Выражаемые данными местоимениями значения «обезразличивающей неопределенности» и «обезразличивающего обобщения» выводят референт за пределы круга «своих» и тем самым, по мнению Е. И. Шейгал, индуцируют коннотацию пейоративного отчуждения. Таким образом, тимиологическая оценка имплицитует аксиологическую: умаление значимости превращается в принижение и унижение, что, в свою очередь, оборачивается отстранением и отчуждением.

3. Показатели недоверия к оппоненту, сомнения в достоверности его слов: кавычки и лексические маркеры «пресловутый», «так называемый», «якобы» и т. д.

Деривационно-смысловая цепочка пейоративного отчуждения в данном случае выглядит следующим образом: «сомнительный, не заслуживающий доверия» — «потенциально опасный» — «чужой, незнакомый» — «враг» [Шейгал 2000: 161—163].

Е. И. Шейгал разделяет маркеры «своих» на две группы — 1) специализированные и 2) неспециализированные.

К специализированным вербальным знакам интеграции, позволяющим политикам отождествлять себя с аудиторией, апеллировать к общей национальной, статусной и прочей социальной принадлежности, относятся маркеры «своих», а именно:

- 1) грамматические формы непрямого императива (1-е л. мн. ч.) со значением включения в сферу его действия автора дискурса;
- 2) инклюзивное «мы»;
- 3) лексемы совместности;
- 4) лексические средства с компонентом совместности, выступающие в функции вокатива с коннотацией «я свой»;
- 5) формулы причастности.

Неспециализированными (транспонированными) маркерами интеграции являются термины ориентации, выполняющие функцию парольных лозунговых слов. Семантика пароля («я с вами», «я свой») выступает на первый план, когда политик употребляет какой-либо термин не столько для обозначения референта (политической ситуации и пр.), сколько в качестве доказательства своей принадлежности к конкретной политической группировке, приверженности определенной идеологии [Шейгал 2000: 159].

Н. Хомский подчеркивает двойной стандарт в характере политической оценки действий противоборствующих сторон в зависимости от позиции производителя дискурса, от того, кого он считает «своими», а кого — «чужими» [Chomsky 1988: 618].

Известный немецкий мыслитель К. Шмитт полагает: «Смысл различения друга и врага состоит в том, чтобы обозначить высшую степень интенсивности соединения или разделения, ассоциации или диссоциации. Не нужно, чтобы политический враг был морально зол, не нужно, чтобы он был эстетически безобразен, не должен он непременно

но оказаться хозяйственным конкурентом, а может быть, даже окажется и выгодно вести с ним дела. Он есть именно иной, чужой» [Шмитт 1992: 40].

Таким образом, любые ценностные противопоставления в политическом дискурсе будут являться вторичными по отношению к оппозиции «друг — враг», производными от нее: «Всякая религиозная, моральная, экономическая, этническая или иная противоположность превращается в противоположность политическую, если она достаточно сильна для того, чтобы эффективно разделять людей на группы друзей и врагов» [Шмитт 1992: 45]. Противопоставление «своих» и «чужих» в политическом дискурсе может эксплицироваться как оппозиция различных социокультурных ценностей.

Л. И. Гришаева и Л. В. Цурикова считают, что чужой представляет собой «негативно заряженный фактор», при наличии которого «объект социальной перцепции опознается как не принадлежащий к культуре / субкультуре познающего субъекта» [Гришаева, Цурикова 2007: 313]. Примечательно, что эти лингвисты выделяют также оппозицию «свой — другой».

Исследователи утверждают, что присущая всем членам того или иного культурного сообщества оппозиция «свой — чужой» представляет собой «когнитивно значимое противопоставление двух существенных для социальной перцепции факторов», дающее возможность «описывать результаты познавательной деятельности в процессе и первичной, и вторичной социализации индивида» [Гришаева, Цурикова 2007: 310]. Данная оппозиция является аксиологической категорией и связана с полем оценочности языка, так как нацелена на сплочивание «своих» и борьбу с «чужими». Как известно, поле оценочности включает разнообразные языковые средства, служащие для выражения отношения говорящего к объекту речи в широком диапазоне, соотносимом с противоположными полюсами на шкале оценочности [Канчани 2007: 12].

Оппозиция «свой — чужой» характера для языковой личности В. И. Ленина. Это противопоставление доминирует в «Материализме и эмпириокритицизме».

Оппозиция «свой — чужой» играет ведущую роль в формировании ориентационного пространства политического дискурса [Шейгал 2000: 154]. Мнение Е. И. Шейгал разделяет О. Л. Михалева. Она считает оппозицию «свой — чужие» базовой для политического дискурса и предлагает рассматривать ее на трех уровнях:

- 1) лексическом;
- 2) морфологическом;
- 3) синтаксическом [Михалева 2009: 77—92].

Если бы В. И. Ленин был более терпимым к своим политическим оппонентам, его дискурсу была бы присуща оппозиция «свой — другой»: она «свидетельствует о когнитивно и коммуникативно гибкой, толерантной личности» [Гришаева, Цурикова 2007: 310]. В настоящей статье под толерантностью подразумевается «поведение человека в ситуации конфликта, подчиненное стремлению достичь взаимного понимания» [Купина, Михайлова 2004: 292].

Оппозиция «свой — другой» тоже представлена в «Материализме и эмпириокритицизме». Главное различие двух оппозиций состоит в следующем: если доминирующее противопоставление «свой — чужой» направлено на разоблачение идеалистов, то менее частотная оппозиция «свой — другой» сигнализирует о мягкой критике непоследовательных материалистов, в которых В. И. Ленин видел потенциальных союзников.

Другим значимым фактором использования концептов «свой — чужой» как эффективного способа формирования имиджа политика является бинарность данной оппозиции как элементарного, следовательно, прочно укоренившегося в сознании (и подсознании) людей способа мышления, доступного для всех.

Существуют различные теории, описывающие отношения модели «свой — чужой» и системы аргументации. В частности, Е. А. Баженова и И. В. Мальцева полагают, что конструирование в сознании избирателя образов «своего» и «чужого» по отношению к тому или иному кандидату можно считать коммуникативной тактикой [Баженова, Мальцева 2009: 32—33]. Шире на этот вопрос смотрит О. С. Иссерс. Она полагает, что традиционный прием политической борьбы, заключающийся в разграничении «своих» и «чужих» (создании «Мы-группы» путем очернения противника), должен анализироваться в рамках глобальной стратегии в области речевого воздействия («игры на понижение») [Иссерс 2008: 160]. Об этом же средстве конструирования данной оппозиционной пары ведет речь В. Е. Чернявская [Чернявская 2006: 48—49].

В политическом дискурсе оппозиция «свои — чужие» реализуется как эксплицитно, при помощи специальных маркеров, так и имплицитно, в виде идеологической коннотации политических терминов, через тональность дискурса, его подчеркнутую этикетность или антиэтикетность, а также целенаправленный подбор положительной или отрицательной оценочной лексики. «Свои» часто маркируются возвышенной лексикой и торжественно-приподнятой тональностью, в то время как для указания на «чужих» применяются сниженная лексика и презрительно-саркастическая тональность, графическим эквивалентом которой являются кавычки [Шейгал 2000: 151]. Кавычки — частотный прием в политическом дискурсе В. И. Ленина.

Проведенный анализ показывает: лексические единицы «свой» и «чужой» многократно применяются в «Материализме и эмпириокритицизме». Синонимом последнего маркера следует считать обнаруженное в тексте средство «чуждый». Все эти лексические единицы отличает то, что они присутствуют и в тезисах В. И. Ленина, и в чужой речи, которую он использовал в вышеупомянутой монографии. Способы реализации семантических оппозиций в ленинском политическом дискурсе необходимо рассмотреть подробно.

В четвертом разделе шестой главы словосочетание «свой материализм» противопоставлено лексической единице «идеализм»: «Что „скептики“, называются ли они юмистами или кантианцами (или махистами, в XX веке), кричат против „догматики“ и материализма и идеализма, Маркс

видел уже тогда и, не давая отвлечь себя одной из тысячи мизерных философских системок, он сумел через Фейербаха прямо встать на материалистическую дорогу против идеализма. Тридцать лет спустя, в послесловии ко второму изданию первого тома „Капитала“, Маркс так же ясно и отчетливо противопоставляет *свой материализм* гегелевскому, т. е. самому последовательному, самому развитому *идеализму*, презрительно отстраняя кантовский „позитивизм“ и объявляя жалкими эпигонами современных философов, которые мнят, что уничтожили Гегеля, на деле же вернулись к повторению доггегелевских ошибок Канта и Юма» [Ленин 1989: 362].

Очевидно, в этом контексте оппозиция «свой — чужой» вплетена в ткань взаимопроникающих риторических приемов, к которым можно отнести: кавычки («скептики», «догматика», «позитивизм»), введение оценочных лексических единиц и их комбинаций («кричать», «отвлечь», «мизерный», «прямо», «презрительно отстраняя», «объявляя жалкими эпигонами», «мнить», «ошибки»), уменьшительно-уничижительных имен существительных («системки»), построение синонимических рядов («ясно», «отчетливо»), курсив («свой материализм», «идеализм») и повторы («самый»). Вероятно, здесь автор также стремился выразить противоречие между словами и делами («на деле») своих противников. Как правило, именно на их действиях (делах) В. И. Ленин делал упор в тексте, направляя на них тем самым внимание читательской аудитории.

Охарактеризуем специализированные знаки агрессии в «Материализме и эмпириокритицизме» (маркеры «чуждости»).

1. Дейктические и полноточные знаки, содержащие компонент дистанцирования

УКАЗАТЕЛЬНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ «ЭТИ». Перечислив названия работ и их авторов, В. И. Ленин перешел к изложению своего понимания их идей: «Все эти лица не могут не знать, что Маркс и Энгельс десятки раз называли свои философские взгляды диалектическим материализмом. И все эти лица, объединенные — несмотря на резкие различия политических взглядов — враждой против диалектического материализма, претендуют в то же время на то, что они в философии марксисты!» [Ленин 1989: 21].

Следует отметить, что лексическая единица «эти» соседствует с единоначатием следующих друг за другом сложноподчиненных предложений. Даже их зависимые части относятся к одному и тому же виду. Маркер чужеродности «эти», усиленный обобщающим средством «все», размещен в главных частях сложных предложений.

Еще один предварительный вывод находится в последнем абзаце третьего раздела шестой главы. Вывод завершает анализ одной из идеалистических работ: «Всего этого сора в статье Суворова не перечислить» [Ленин 1989: 360]. В данном предложении также присутствует сочетание лексических единиц «весь» и «этот». Чужеродность статьи, помимо маркера «этот», обозначена оценочным средством «сор». Оно призвано подчеркнуть, что у разбираемой статьи идеалиста С. А. Суворова нет никаких достоинств.

Примечательно, что лексическая единица «все» не всегда прикреплена в «Материализме и эмпириокритицизме» к местоимению «эти». Примером служит контекст из пятого раздела шестой главы: «Профессора философии и теологии всех стран света принялись на тысячи ладов разносить и уничтожать Геккеля» [Ленин 1989: 374]. В данном фрагменте средство «все» создает эффект гиперболизации («всех стран света»), увеличивая количество «чужих» в сознании адресата. В связи с этим следует отметить, что В. И. Ленин из всего «чужого мира» назвал в рассматриваемом абзаце только пятерых конкретных людей. Помимо гиперболы («на тысячи ладов») здесь можно обнаружить еще один прием — включение в дискурс коррелирующих глаголов «разносить» и «уничтожать».

Таким образом, единица «все» может выполнять в политическом дискурсе В. И. Ленина и функцию обобщения, и функцию преувеличения.

Во втором разделе шестой главы снова применено местоимение «эти»: «Исторической особенностью современного российского махизма (вернее: махистского поветрия среди части с.-д.) является следующее обстоятельство. Фейербах был „материалист внизу, идеалист вверх“, — то же относится в известной мере и к Бюхнеру, Фогту, Мошотту и к Дюрингу с тем существенным отличием, что все эти философы были пигмеями и жалкими кропателями по сравнению с Фейербахом» [Ленин 1989: 354—355].

Этот предварительный вывод основан на четком противопоставлении перечисленных сторонников идеализма и немецкого мыслителя Л. А. Фейербаха, которого В. И. Ленин считал великим ученым. Философа, традиционно считавшегося сторонником материализма (Л. А. Фейербаха), автор не тронул, зато употребил оскорбительные эпитеты («пигмеи», «жалкие кропатели»), отличающиеся близостью значений, в адрес своих идеологических противников. Кроме того, производитель дискурса отказался рассматривать махистскую теорию как полноценную альтернативу материалистической концепции, поскольку она представляет собой «поветрие», затронувшее не всех, а «отдельных» представителей социал-демократического сообщества.

УКАЗАТЕЛЬНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ «ТАМ». После цитаты во втором разделе пятой главы автор поместил свой комментарий: «Почему отгораживается здесь Риги от позитивистских и утилитаристских тенденций? Потому, что он, не имея, видимо, никакой определенной философской точки зрения, стихийно держится за реальность внешнего мира и за признание новой теории не только „удобством“ (Пуанкаре), не только „эмпириосимволом“ (Юшкевич), не только „гармонизацией опыта“ (Богданов) и как там еще зовут подобные субъективистские выверты, а дальнейшим шагом в познании объективной реальности» [Ленин 1989: 284].

Процитированный фрагмент текста дает возможность оценить разницу между оппозициями «свой — другой» и «свой — чужой», реализованными в «Материализме и эмпириокритицизме». Местоимение «там» обозначает в данном контексте «чужих». Этот маркер усиливается вопросно-ответным приемом, оценочными средствами

(«субъективистские выверты»), повторами («не только»), сарказмом, выраженным кавычками («удобство», «эмпириосимволизм», «гармонизация опыта») и противопоставлением с союзом «а». В отличие от осторожной оценки непоследовательного, по мнению В. И. Ленина, итальянского материалиста А. Риги («другого»), смягченной вводным средством «видимо», мнение автора в отношении идеалистов («чужих»), к которым отнесены А. А. Богданов и П. С. Юшкевич, является достаточно жестким. Если в первом случае В. И. Ленин только предположил, что А. Риги не имеет собственного четкого мнения, то во втором случае авторский дискурс насыщен эмоциями, выраженными соответствующей безапелляционной лексикой. В отношении своего единомышленника А. Риги формулируется только вопрос-предположение (есть ли у него свое мнение?), а тезис В. И. Ленина, касающийся субъективных идеалистов, выглядит как приговор.

2. Показатели умаления значимости — идентификаторы нижнего уровня тимиологической оценки

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ «ВСЯКИЙ» И «РАЗНЫЙ». Третий раздел второй главы озаглавлен лексической единицей «всякий», подчеркивающей враждебность, чужеродность идеалистов: «Всякая таинственная, мудреная, хитроумная разница между явлением и вещью в себе есть сплошной философский вздор. На деле каждый человек миллионы раз наблюдал простое и очевидное превращение „вещи в себе“ в явление, „вещь для нас“. Это превращение и есть познание. „Учение“ махизма, что раз мы знаем *только* ощущения, то мы не можем знать о *существовании* чего-либо за пределами ощущений, есть старый софизм идеалистической и агностической философии, поданный под новым соусом» [Ленин 1989: 130].

В этой цитате можно различить комбинацию лексического средства «всякий» и взаимодополняющих имен прилагательных «таинственный», «мудреный», «хитроумный». Кроме того, синонимическую цепочку образуют имена прилагательные «простой» и «очевидный». Сарказм автора выражен с помощью взятого в кавычки имени существительного «учение». К выразительным средствам В. И. Ленина также требуется отнести курсив («только», «существование») и развернутые оценочные языковые средства («сплошной вздор», «старый софизм, поданный под новым соусом»). Под делом («на деле») автор имел в виду реальность, резко отличающуюся, по его мнению, от идеалистической теории.

Свое изложение автор продолжил следующим образом: «Иосиф Дицген — диалектический материалист. Мы покажем ниже, что его способ выражений часто неточен, что он часто впадает в путаницу, за которую и ухватились разные неумные люди (Евгений Дицген в том числе) и, конечно, наши махисты. Но разобрав преобладающую линию его философии, ясно отделить материализм от инородных элементов, этого они не потрудились сделать или не сумели» [Ленин 1989: 130—131].

Как и в предыдущем фрагменте, монографист, применив личные местоимения, жестко про-

тивопоставил «своих» («мы») и «чужих» («он», «они»). Если «свои», как указал автор, «знают» или «не могут знать», то даже мысли о том, что «чужие» способны знать, он не допускает. В. И. Ленин окрестил своих оппонентов (немецкого писателя Е. Дицгена и др.), «разными неумными людьми». Автор поставил под сомнение способность своих политических оппонентов разделить идеализм и материализм. Аппелляция к интеллектуальным качествам негативной референтной группы является одним из самых частотных приемов в «Материализме и эмпириокритицизме». Данный риторический прием относится к категории нелояльных приемов, которые не должен использовать политик, уважающий себя и своих конкурентов.

Авторская оценка реализована посредством лексических средств («впадать в путаницу», «ухватиться», «разные неумные люди», «инородные элементы»). В словосочетании «наши махисты» притяжательное местоимение «наши» на этот раз, как и в ряде других контекстов, не обозначает группу «чужих».

Изложив мнения идеалистов в отношении материалистов в одном из разделов своей работы, В. И. Ленин подвел предварительный итог: «Таковы доводы махистов против материализма, повторяемые и пересказываемые на разные лады вышеназванными писателями» [Ленин 1989: 27].

Выразительность данному итогу придает то, что он вынесено в отдельный абзац. Лексическая единица «разный» входит во фразеологизм «пересказывать на разные лады», превращенный автором в уточняющий оборот. Этот маркер уничижительности усилен в вышеприведенном предложении повторами семантически близких имен прилагательных «повторяемый» и «пересказываемый».

Разобрав в четвертом разделе шестой главы концептуальные положения К. Маркса и Ф. Энгельса, автор перешел к критике махистов посредством следующего высказывания: «Приемы сочинения разных попыток развить и дополнить Маркса были очень нехитры» [Ленин 1989: 367]. Схема построения тезиса все та же: показатель чужеродности «разный» соседствует с двумя лексическими единицами, находящимися в парадигматических отношениях. В данном случае их роль исполняют глаголы «развить» и «дополнить». Прагматический эффект усиливается объявлением действий идеалистов «сочинениями», «попытками», не отличающимися «хитростью».

3. Показатели недоверия к оппоненту, сомнения в достоверности его слов

Лексические маркеры данной группы преобладают в анализируемой монографии.

Имя прилагательное «пресловутый». Эта лексическая единица достаточно частотна в «Материализме и эмпириокритицизме». К примеру, она есть в третьем разделе первой главы. С помощью названного маркера автор направил свою критику на немецкого идеалиста Р. Авенариуса, задействовав также мнение британского ученого Н. К. Смита, отрицательно настроенного к данному идеалисту: «Пресловутое устранение посредством словечка „опыт“ противоположности мате-

риализма (Смит напрасно говорит: реализма) и идеализма сразу оказалось мифом, как только мы начали переходить к определенным конкретным вопросам» [Ленин 1989: 80].

Лексическое средство «пресловутый» в данном контексте ставит под сомнение «устранение» противоречий между основными теориями того времени и дополняет прием введения оценочных средств («миф»), а также саркастическое отношение В. И. Ленина к идеалистическим понятиям («опыт»), к которому он относился уничижительно («словечко»). Имена прилагательные «определенный» и «конкретный» в рассматриваемом предложении находятся в отношениях синонимии.

В четвертом разделе третьей главы также встречается лексическая единица «пресловутый». Она содержится в тезисе, посвященном критике работы Р. Авенариуса «Философия как мышление о мире сообразно принципу наименьшей траты сил»: «Этот чистейший вздор есть попытка под новым соусом протащить субъективный идеализм. В философской литературе такой именно характер этого основного сочинения по вопросу о пресловутой „экономии мышления“, как мы видели, общепризнан. Если наши махисты не заметили субъективного идеализма под „новым“ флагом, то это относится к области курьезов» [Ленин 1989: 183].

В этом предложении автор разместил маркер чуждости («пресловутый»), задействовал прием введения в изложение оценочных средств («чистейший вздор»), вербально оформил свое презрительное отношение («экономия мышления», «новый», «область курьезов») и выделил курсивом опорные моменты своей мысли («субъективный идеализм», «основной», «общепризнан»). Таким образом, перед читателем снова предстает характерный комплекс аргументативных приемов В. И. Ленина.

Если в процитированном фрагменте затрагивается понятие «экономия мышления», то в другом контексте речь идет о термине «догматика». Данный аспект идеалистической теории автор затронул в последнем предложении пятого раздела второй главы «Материализма и эмпириокритицизма». Окончательный вывод этого раздела также богат на риторические приемы. В нем есть и различные повторы («по этому», «старый», «престарый»), сопряженные с акцентирующими вниманием адресата уточняющим оборотом и синонимическим рядом, и оценочная лексика («особый характерный философский привкус», «излюбленный»), и прием уничижения оппонента («словечко»), и выделенные курсивом элементы, свидетельствующие о борьбе «своих» и «чужих» («против»), и выражающие сарказм средства («старый», «новейший позитивизм»): «По этому — и только по этому — вопросу термин „догматика“ имеет особый характерный философский привкус: это излюбленное словечко идеалистов и агностиков *против* материалистов, как мы уже видели на примере довольно „старого“ материалиста Фейербаха. Старый, престарый хлам — вот чем оказываются все возражения против материализма, делаемые с точки зрения пресловутого „новейшего позитивизма“» [Ленин 1989: 148].

В отношении «своего» (немецкого материалиста Л. А. Фейербаха) автор не применил ни одного грубого эпитета, но в адрес «чужих» («идеалистов и агностиков») употребил целый букет резких лексических единиц. В частности, в одном сочетании («пресловутый „новейший позитивизм“») присутствуют и маркер чуждости, и обозначение саркастического отношения.

Еще один пример употребления лексического маркера «пресловутый» наблюдается во втором разделе второй главы. Противопоставление материалистического и идеалистического направлений в философии выражено следующим образом: «А из слов Энгельса яснее ясного видно, что для материалиста реальное бытие лежит *за пределами* „чувственных восприятий“, впечатлений и представлений человека, для агностика же *за пределы* этих восприятий выходить невозможно. Базаров поверил Маху, Авенариусу и Шуппе, будто „непосредственно“ (или фактически) данное объединяет воспринимающее Я и воспринимаемую среду в пресловутой „неразрывной“ координации и старается незаметным для читателя образом подsunуть материалисту Энгельсу этот вздор!» [Ленин 1989: 123].

Имя прилагательное «пресловутый» и союз «будто» нацелены на формирование недоверия у адресата к идеям идеалистов. Этот эффект обеспечивается как повтором синонимичных единиц («яснее ясного») и курсивным выделением дублируемых элементов текста («за пределы», «восприятия»), так и взятыми в кавычки лексическими средствами («чувственные восприятия», «непосредственно», «неразрывный») и развернутыми оценочными цепочками («стараться незаметным для читателя образом подsunуть этот вздор»). Не все повторяющиеся единицы графически обозначены («восприятия»). В. И. Ленин применил ту же схему, что и в предыдущем случае: «маркер чужеродности + средство выражения сарказма» («пресловутая „неразрывная“ координация»).

В этом контексте оценка выполняет две функции: 1) прямую (функцию «защиты» читателя от «недостовой информации», «вздора» В. А. Базарова) и 2) косвенную (функцию объяснения адресату «правильной», материалистической, точки зрения на проблему).

В пятом разделе первой главы «Материализма и эмпириокритицизма» сигнализирующие лексические единицы «пресловутый» и «якобы» употреблены для обличения одного из основоположников идеализма, Р. Авенариуса: «Софистика тут совершенно та же, которую мы наблюдали на примере пресловутой координации. Отвлекая внимание читателя выпадами против идеализма, Авенариус на деле чуточку иными словами защищает тот же идеализм: мысль не есть функция мозга, мозг не есть орган мысли, ощущения не функция нервной системы, нет, ощущения, это — „элементы“, в одной связи только психические, в другой же связи (хотя и „тождественные“ элементы, но) физические. Новой запутанной терминологией, новыми вычурными словечками, выражающими якобы новую „теорию“, Авенариус только потоптался на одном месте и вернулся к ос-

новной идеалистической своей посылке» [Ленин 1989: 97].

Объявив понятие «координация» «пресловутым» (сомнительным), автор в очередной раз изобразил себя защитником интересов читательской аудитории, а немецкого ученого Р. Авенариуса — обманщиком. Еще одной особенностью данной цитаты можно считать повторы («не», «связи», «новый»). Интерес для исследователя представляют также оценочные обороты («выпады против идеализма», «новая запутанная терминология», «новые вычурные словечки, выражающие якобы новую теорию», «потоптаться на одном месте»). Один из данных оборотов усилен уменьшительно-уничтожительным именем существительным «словечки». Это один из тех редких контекстов, в которых кавычки не только взаимодействуют с курсивным выделением («тождественный»), но и используются самостоятельно («элементы», «теория»). Адресант акцентировал внимание адресата на словах («выпады против идеализма») и делах («на деле») видного идеалиста.

Процитировав труд А. А. Богданова «Эмпириомонизм» в начале пятого раздела четвертой главы, автор обратился к читателю: «Но посмотрите внимательнее на это резюмирование самим Богдановым его пресловутого „эмпириомонизма“ и „подстановки“» [Ленин 1989: 243]. В данном контексте маркер «пресловутый» обозначает «бессмысленность» применения махистских терминов «эмпириомонизм» и «подстановка». В очередной раз имя прилагательное «пресловутый» дает возможность организовать разбор идеалистических терминов, в данном случае принадлежащих самому влиятельному идеалисту А. А. Богданову. Именно по этой причине он постоянно попадает под огонь критики В. И. Ленина в «Материализме и эмпириокритицизме». Показательно уже то, что А. А. Богданов фигурирует в названиях трех разделов («Материализма и эмпириокритицизма»: 1) пятого раздела второй главы [Ленин 1989: 142]; 2) пятого раздела четвертой главы [Ленин 1989: 243]; 3) второго раздела шестой главы [Ленин 1989: 347]. Помимо этого идеалиста, такой чести удостоены Э. Мах [Ленин 1989: 102, 225, 371] и Ф. Энгельс [Ленин 1989: 109, 117, 142].

Союз «якобы». Перечислив своих современников-идеалистов в начале монографии, автор перешел к объяснению их отношения к сторонникам материализма: «Опираясь на все эти якобы новейшие учения, наши истребители диалектического материализма безбоязненно договариваются до прямого фидеизма (у Луначарского всего яснее, но вовсе не у него одного!), но у них сразу пропадает всякая смелость, всякое уважение к своим собственным убеждениям, когда дело доходит до прямого определения своих отношений к Марксу и Энгельсу» [Ленин 1989: 21—22].

Маркер «якобы» размещен в деепричастном обороте. В данном предложении задействованы также военная лексика («истребитель») и лексические повторы («прямой», «но», «всякий», «свой»). Особенностью рассматриваемой речевой ситуации является наличие восклицательного уточняющего оборота, повышающего интерес читателя к вышеприведенному тезису. В нем при-

существует также разграничение слова и дела («дело») представителей идеалистического лагеря.

Завершив цитату из работы Дж. Беркли, автор заявил: «Это написано в 1710 году, т. е. за 14 лет до рождения Иммануила Канта, а наши махисты — на основании якобы „новейшей“ философии — сделали открытие, что признание „вещей в себе“ есть результат заражения или извращения материализма кантианством! „Новые“ открытия махистов — результат поразительного невежества их в истории основных философских направлений» [Ленин 1989: 30].

Вышеприведенный фрагмент, помимо маркеров сомнения («якобы»), в том числе синонимичных («новейший», «новый»), включает открытое обвинение политических конкурентов в отсутствии знаний, о чем свидетельствует жесткое оценочное сочетание «поразительное невежество». Противопоставление с союзом «а» усилено уточняющей структурой и восклицанием.

В ходе сравнительного анализа идеалистических и материалистических положений во втором разделе первой главы автор сделал следующее заявление: «Мах и Авенариус *тайком* протаскивают материализм посредством словечка „элемент“, которое *якобы* избавляет их теорию от „односторонности“ субъективного идеализма, *якобы* позволяет допустить зависимость психического от сетчатки, нервов и т. д., допустить независимость физического от человеческого организма» [Ленин 1989: 63]. Графически выделенные дискурсивные элементы, одиночные («тайком») и дублируемые («якобы»), введение в изложение оценочных («протаскивать») и уничижительных («словечко») единиц, а также показателей презрения («элемент», «односторонность») — отличительные черты анализируемого контекста.

Заслуживает внимания также окончательный вывод, завершающий шестой раздел первой главы. Предпоследнее предложение этой главы таково: «Якобы „новую“, „феноменологическую“ точку зрения Маха и К° этот физик вполне заслуженно третирует как старую нелепость философского субъективного идеализма» [Ленин 1989: 105].

Таким образом, автор «Материализма и эмпириокритицизма», призвав себе в помощники немецкого материалиста Л. Больцмана, критиковавшего махистскую теорию, и процитировав соответствующий фрагмент его труда, снова подчеркнул, что он, В. И. Ленин, не одинок в своем мнении относительно идеализма. В глазах читательской аудитории эта ссылка (прием апелляции к авторитету) должна сделать ленинский дискурс более весомым, убедительным. Эффект сарказма усиливается благодаря взаимодействию маркера «якобы» и соседствующих с ним имен прилагательных «новый» и «феноменологический», взятых в кавычки. Оценочный характер носит комбинация «старая нелепость».

Помимо вышеназванных лексических единиц, средством конструирования предложений и уточняющих восклицательных оборотов, выражающих сомнение в правильности идеалистических утверждений, служит слово «вроде». Пример его употребления предоставляет вывод, связанный с воззрениями идеалиста В. М. Чернова, из первого

раздела второй главы: «Разбирать все дальнейшие рассуждения г. Чернова нет ни возможности, ни надобности: это — такой же претенциозный вздор (вроде утверждения, что атом есть вещь в себе для материалистов!)» [Ленин 1989: 114]. Интерес вызывают также сокращенное статусное наименование «господин» и повторяющаяся частица «ни». К оценочным средствам относится и лексическое сочетание «претенциозный вздор».

После цитаты, взятой из работы В. А. Базарова и размещенной во втором разделе второй главы, можно увидеть продолжение полемики между автором и этим идеалистом: «За какими „этим“ границами? За границами той „координации“ Маха и Авенариуса, которая якобы неразрывно сливается Я и среду, субъект и объект?» [Ленин 1989: 126].

Нотки презрения выражены при помощи взятых в кавычки указательного местоимения «эти» и имени существительного «координация». Прагматический эффект обусловлен также вопросно-вопросным приемом, который можно рассматривать в качестве варианта реализации в речи вопросно-ответного хода, поскольку второе вопросительное предложение представляет собой по форме вопрос, а по содержанию — ответ на поставленный вопрос. В связи с этим следует обратить внимание и на лексическую единицу «якобы».

В конце данного раздела автор применил союз «будто» (эквивалент «якобы»), ставящий под сомнение правомочность высказывания В. А. Базарова. Автор монографии обвинил его в искажении мнения немецкого материалиста Ф. Энгельса: «Ясно, что такое бытие действительно есть открытый вопрос. А Базаров, точно нарочно не приводя полной цитаты, пересказывает Энгельса так, будто открытым является вопрос о „*бытии вне чувственного мира*“!» [Ленин 1989: 127—128]. Сомнение автора в правдивости высказываний идеалиста В. А. Базарова оформлено и обособленным обстоятельством, выраженным деепричастным оборотом («точно нарочно не приводя полной цитаты»), и маркером «будто», и графически выделенным сочетанием («бытие вне чувственного мира»), и сразу двумя восклицательными знаками.

Еще одно критическое замечание, содержащее в себе лексическое средство «якобы», можно обнаружить в четвертом разделе второй главы: «Мах и Авенариус, претенциозно выдвигая „новую“ терминологию, „новую“ якобы точку зрения, на деле повторяют, путаясь и сбиваясь, ответ агностика: с одной стороны, тела суть комплексы ощущений (чистый субъективизм, чистое берклианство); с другой стороны, если перекрестить ощущения в элементы, то можно мыслить их существование независимо от наших органов чувств!» [Ленин 1989: 139]. В очередной раз творец монографии строго разграничил «слово» и «дело» идеалистического сообщества. Оценочные элементы дискурса («претенциозно», «путаясь и сбиваясь», «перекрестить») соседствует в данном восклицании с обилием повторов («новый», «чистый»). Многочисленные повторы В. И. Ленина не помешали ему предъявить обвинение в повторе своим идеологическим недругам.

Данное предложение демонстрирует способность деепричастных оборотов выражать производителю речи эмоциональное отношение. Как и во многих других примерах, автор «Материализма и эмпириокритицизма» здесь искал несоответствие слов и дел («на деле»).

Сформулировать заключительные выводы в пятом разделе третьей главы автор снова помогает средство «якобы»: «Это не значит, чтобы за сто лет не изменились наши представления о времени и пространстве, не собран был громадный новый материал *о развитии* этих представлений (на каковой материал якобы в опровержение Энгельса указывают и Ворошилов-Чернов и Ворошилов-Валентинов), — это значит, что *соотношение* материализма и агностицизма, как основных философских линий, не могло измениться, какими бы „новыми“ кличками ни щеголяли наши махисты» [Ленин 1989: 200].

В данной речевой ситуации имеет место ряд повторов («это», «не», «значить», «измениться», «материал», «и»). Контекст представляет собой один из тех редких примеров, когда в одном высказывании сочетаются прием постановки под сомнение тезисов приверженцев идеализма («якобы») и прием сравнения идеалистов с русским литературным персонажем (Ворошиловым И. С. Тургенева). Ряд дискурсивных элементов выделен курсивом («о развитии», «соотношение»). Имя прилагательное «новый», стоящее в кавычках, указывает на отсутствие оригинальности в идеалистических рассуждениях. Под «кличками» В. И. Ленин подразумевал, вероятно, термины своих политических врагов и, с целью усиления комического эффекта, заявил, что они в переносном смысле «щеголяли кличками».

Поместив в начале третьего раздела четвертой главы «Материализма и эмпириокритицизма» фрагмент работы Э. Маха «Анализ ощущений», автор прокомментировал его: «Здесь, во-первых, надо отметить на редкость правдивое признание Маха, что *очень немногие* естествоиспытатели принадлежат к сторонникам якобы „новой“, на деле очень старой, юмистско-берклианской философии. Во-2-х, чрезвычайно важен взгляд Маха на эту „новую“ философию, как на широкое *течение*, в котором имманенты стоят наравне с эмпириокритиками и позитивистами» [Ленин 1989: 226].

В отличие от других примеров, в приведенной цитате имеется смешанная нумерация («во-первых», «во-2-х»). Она придает высказыванию более системный характер, улучшает его восприятие читателем. Посредством сочетания «на редкость правдивое признание Маха», содержащего в себе намек на постоянную нечестность этого идеалиста, автор выразил свое ироничное отношение. Ироничными являются также лексическая комбинация «якобы „новый“» и примыкающее к ней антонимичное уточнение «на деле очень старый», характеризующие оппозиционную В. И. Ленину философию. В двух предложениях подряд наблюдается лексическая единица «новый», взятая в кавычки. Обращают на себя внимание и выделенные курсивом языковые элементы «очень немногие» и «течение». Используется и противопоставление слова и дела («на деле»).

Во втором разделе шестой главы лексическая единица «якобы» позволяет автору вербально обозначить разницу в идеалистической и материалистической трактовках терминов «общественное бытие» и «общественное сознание»: «Богданов может сколько угодно проклинать материалистов за „искажение его мыслей“, но никакие проклятия не изменят простого и ясного факта. Поправка к Марксу и развитие Маркса якобы в духе Маркса со стороны „эмпириомониста“ Богданова *ничем существенным* не отличается от опровержения Маркса идеалистом и гносеологическим солипсистом Шубертом-Зольдерном» [Ленин 1989: 349].

Оценочный характер данному фрагменту придает ряд лексических средств («сколько угодно проклинать», «никакие проклятия», «ничто существенное»). Очевидно противопоставление лагерей «чужих» (А. А. Богданов и немецкий ученый Р. Шуберт-Зольдерн) и «своих» (К. Маркс). К особенностям данного высказывания относятся также синонимический ряд («простой», «ясный») и взятая в кавычки лексика («искажение его мыслей», «эмпириомонист»).

При подведении основных итогов этого же раздела автор отметил: «По крайней мере позитивизм вообще и махизм в частности гораздо больше занимались тонкой фальсификацией гносеологии, подделываясь под материализм, пряча идеализм за якобы материалистическую терминологию, — и мало сравнительно обращали внимания на философию истории» [Ленин 1989: 355].

В очередной раз каждый деепричастный оборот представляет собой комбинацию оценочных единиц («подделываясь под материализм», «пряча идеализм за якобы материалистическую терминологию»). Один из них включает в себя показатель сомнительности «якобы». Этим развернутая оценка в вышеприведенном высказывании не ограничивается («заниматься тонкой фальсификацией»).

Разнообразие и частотность средств выражения оппозиций «свой — другой» и «свой — чужой» свидетельствуют о том, что они представляют собой органическую часть аргументативных приемов, присущих политическому дискурсу В. И. Ленина. Результаты исследований подтверждают: прием конструирования оппозиций взаимодействует в «Материализме и эмпириокритицизме» практически со всеми риторическими средствами.

ЛИТЕРАТУРА

- Баженова Е. А., Мальцева И. В. Имидж политика в аспекте оппозиции *свой — чужой* // Вестн. Перм. ун-та. 2009. Вып. 3. С. 28—33.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая метафорология / УрГПУ. — Екатеринбург, 2008.
- Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. — Волгоград: Перемена, 1997.
- Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. — М.: Академия, 2007.
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- Канчани П. Оппозиция «свой — чужие» как прагматическая доминанта политического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук / МГЛУ. — М., 2007.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002.

Купина Н. А., Михайлова О. А. Основы стилистики и культуры речи. — М. : Наука, Флинта, 2004.

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. — М. : Политиздат, 1989.

Лосева С. В. Политический дискурс через призму метатекста // *Lingua mobilis*. 2007. № 4. С. 104—109.

Маслова В. А. Современные направления в лингвистике. — М. : Академия, 2008.

Мерекина Е. В. Лингвистическое своеобразие оппозиции *свой / чужой* (на материале лексики эвенкийского языка) // *Филология и человек*. 2008. №2. С. 170—176.

Михалева О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. — М. : ЛИБРОКОМ, 2009.

Оппозиция (в лингвистике) // *Больш. сов. энцикл.* URL: <http://bse.sci-lib.com/article084628.html> (дата обращения: 12.07.2011).

Пеньковский А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // *Структурная лингвистика*, 1985—1987. — М. : Наука, 1989. С. 54—82.

Пеньковский А. Б. Тимиологические оценки и их выражение в целях уклоняющегося от истины умаления значимости // *Логический анализ языка, истина и истинность в культуре и языке*. — М. : Наука, 1995. С. 36—40.

Рейсер С. А. Основы текстологии. — Л. : Просвещение, 1978.

Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса:

проблемы речевого воздействия. — М. : Флинта ; Наука, 2006.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — Екатеринбург : УГИ, 2003.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / ВГПУ. — Волгоград, 2000.

Шенько И. В. Способы выражения отношения «свой — чужой» в системе обращений английской разговорной речи // *Теория и практика лингвистического описания разговорной речи* : сб. науч. тр. — Горький : Изд-во ГПНИИЯ, 1976. С. 211—214.

Шмитт К. Понятие политического // *Вопросы социологии*. 1992. Т. 1. № 1. С. 35—67.

Chomsky N. *Language and Politics*. — Montreal, N. Y. : Black Rose Books, 1988.

Green D. *The Language of Politics in America: Shaping the Political Consciousness from McKinley to Reagan*. — Ithaca : Cornell Univ. Pr., 1987.

Lakoff R. T. *Psychoanalytic Discourse and Ordinary Conversation* // *Variation in the Form and Use of Language: a Sociolinguistics Reader* / R. W. Fasold (ed.). — Washington : Georgetown Univ. Pr., 1983. P. 305—323.

Schudson M. *Sending a Political Message: Lessons from the American 1790s* // *Media, Culture and Society*. 1997. Vol. 19, № 3. P. 311—330.

Searle J. R. *Indirect Speech Acts* // *Syntax and Semantics* 3. *Speech Acts*. — N. Y. : Academic Pr., 1975. P. 59—82.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова